

Н. И. КОНРАД

О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

1

1. Пути развития советского востоковедения могут быть правильно осознаны лишь в свете общих задач советской науки в целом, ближайшим образом — в свете перспектив дальнейшего развития наших исследований в области истории, экономики, философии, литературы, языка, материальной культуры и искусства народов и стран.

2. Одной из важнейших задач советской науки в указанных областях, решение которой может обеспечить новый подъем наших исследований, должно быть смелое и решительное преодоление сохраняющейся в известной мере и в наши дни обособленности научного изучения истории и культуры народов и стран Востока и Запада. Такая обособленность является наследием созданного капиталистической эпохой в Европе общего противопоставления Запада Востоку — противопоставления, особенно усилившегося в XVIII—XIX вв. в период колониального порабощения народов Востока капиталистическими странами Европы. Великая Октябрьская социалистическая революция — событие всемирно-исторического характера и по значению, и по размаху, — а также последующая победоносная борьба народов Востока за свое освобождение от колониальной зависимости решительно и явственно для всех опровергают это противопоставление.

Содружество различных народов Запада и Востока, осуществленное в Советском Союзе на основе строительства объединенными усилиями коммунистического общества, на деле показало всему миру искусственность противопоставления Запада Востоку. Дружба народов великих стран — Советского Союза, Китайской Народной Республики, Индии и других стран Востока, основанная на началах полного и всестороннего равенства, на взаимном признании ценности, культурного достояния и культурной деятельности каждого из этих народов, является наглядным показателем не только возможности, но и естественности отказа от всякого противопоставления Запада Востоку. Необходимо ликвидировать отголоски этого противопоставления и в науке.

3. Отголоски такого противопоставления в наше время проявляются в том, что изучение истории, экономики, философии, литературы, языков и искусства народов Запада и Востока ведется в известной мере изолированно друг от друга. Исторически сложившееся на Западе понятие «востоковедение» было законным в эпоху первоначального изучения Востока. Допустимое и в наше время (в смысле общего комплекса научных исследований, относящихся к различным сторонам истории и культуры народов Востока), данное понятие все еще сохраняет, однако, элементы как бы принципиального отличия этих исследований от исследований истории и культуры народов Запада.

Термина «западоведение» у нас нет, но на деле понятие «западоведе-

ние» существует, поскольку исследователи истории и культуры народов Запада сознательно или бессознательно предполагают в том или ином смысле особое содержание своей науки. С таким положением необходимо покончить и притом не декларативно, а на деле, т. е. в организации самой научной работы, в разработке ее проблематики.

4. С таким положением необходимо покончить по той причине, что оно препятствует нормальному и последовательному развитию как «востоковедения», так и «западоведения». Для востоковедения всякое обособление от науки, изучающей историю и культуру народов Запада, вредно в том смысле, что тем самым поддерживается некоторый отрыв от достижений науки в области изучения Запада. Поскольку же изучение истории и культуры народов Запада в течение XVIII—XIX вв. и первой половины XX в. привело к большому и плодотворному развитию как общего уровня знаний, так и теории и методологии, к разработке специальной методики и приемов научного исследования в отдельных областях, постольку для востоковедения какое-либо обособление от западоведения означает известный отрыв от общего прогресса науки.

В свою очередь обособленность западоведения и востоковедения неблагоприятно отражается и на положении в западоведении. Это сказывается в том, что западоведы обычно либо плохо знают востоковедный научный материал, либо даже просто не считают нужным его знать и с ним считаться. На деле же игнорирование явлений, наблюдавшихся и наблюдающихся в жизни народов Востока, у многих из которых, как, например, у народов Индии, Китая, Ирана, существует цивилизация, насчитывающая несколько тысяч лет, приводит к отстранению огромного материала, знание которого могло бы серьезно содействовать более полному пониманию существа ряда явлений, наблюдавшихся и наблюдающихся в жизни народов Запада. Так, например, научное понимание существа феодальной исторической формации, ее развития, ее различных фаз не может быть полным без изучения феодализма в странах Востока, в большинстве которых период феодализма охватывал целые тысячелетия весьма сложного развития. Невозможно осознать во всей ее полноте и сложности смену общественно-исторических формаций в истории человеческого общества без специального изучения, например, исторического опыта китайского народа, сумевшего стать на путь постепенного построения социализма, минуя стадию развитого капитализма.

Трудно понять во всей полноте сущности литературы эпохи феодализма только по тем ее памятникам, которые созданы народами средневековой Европы, без изучения творчества Шота Руставели, Алишера Навои, Низами, Тулси Даса, Фирдоуси, Хафиза, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Хань Юя, Мурасаки-сикibu, Якамоти, Басё, Сайкаку, Тикамацу Мондзаэмона и многих других великих писателей средневекового Востока. Понимание существа и форм выражения творческого метода социалистического реализма становится гораздо более полным и отчетливым, если мы станем в наших исследованиях основываться на опыте не только литературы народов Советского Союза, но и литературы Народного Китая.

Подобных примеров можно было бы привести сколько угодно и притом во всех областях обществоведения. Вряд ли это, однако, нужно, так как и без этого, вероятно, многими западоведами ощущается некоторая односторонность их научных построений без привлечения восточного материала.

5. Известная обособленность научной работы востоковедов и западоведов привела, однако, к еще более вредным последствиям, имеющим уже чисто принципиальный характер.

Колониальное порабощение капиталистическим Западом большинства

народов Востока и продолжавшееся во многих странах более столетия господство Европы над Азией и Африкой, естественно, привело к установлению господства и науки, созданной народами Запада. Такое господство привело к убеждению в том, что положения науки, выработанные на основе изучения прошлого и настоящего народов Европы, являются абсолютными, что общие положения истории, литературоведения, языкознания, сформулированные историками, литературоведами, языковедами, работавшими на западном материале, представляют собой всю науку в целом.

Такое убеждение живет в умах европейских востоковедов; оно прочно пришло и в сознание очень многих ученых современных стран Востока. В результате этого и получилось, что востоковед-лингвист, изучивший общую теорию языкознания так, как она сформировалась на основе изучения индоевропейских языков, и заимствовав от этой теории ее научно-техническую номенклатуру и конкретные приемы исследования, со всем этим аппаратом подходит к изучению восточных языков. Так поступают в новейшее время и ученые Востока. Поэтому, если обратиться, например, к грамматикам различных восточных языков, созданным как европейскими востоковедами, так и национальными учеными, то нетрудно заметить, что в сущности в этих грамматиках языковые явления, наблюдаемые в языках Востока, в большей или меньшей степени подгоняются под определения и оценки явлений, обнаружившихся в системе и в истории языков Запада.

Прививка европейского языкознания изучению языков Востока совершенно необходима в силу высоких достижений науки о языке на Западе, но при этом должна учитываться и собственная наука о языке, как она сложилась у данного народа в период его независимости от Европы; должно приниматься в расчет и то понимание явлений своего языка, которое сложилось у самого народа — создателя и носителя этого языка. Без соблюдения этих условий трудно рассчитывать на полное и действительно адекватное научное раскрытие существа отдельных языковых явлений, грамматического строя данного восточного языка в целом.

Таковы последствия, к которым приводит в деле изучения языков Востока абсолютизирование теоретических положений науки о языке в том виде, в каком они сложились на основе изучения индоевропейских языков. К столь же нежелательным последствиям приводит такое абсолютизирование и в развитии самой науки о языке.

Индоевропейские языки всего лишь одна большая группа языков человечества. Помимо них существуют и другие группы языков, представляющих свои собственные, своеобразные системы. Достаточно указать хотя бы на группу тюркских языков. Что касается такого восточного языка, как китайский, то из ныне существующих языков мира он является, повидимому, единственным языком, который имеет столь длительную (четыре тысячи лет) непрерывную, документально засвидетельствованную историю своего развития. Вряд ли возможно поэтому построить действительно всеобщую теорию развития языка без учета истории китайского языка, а между тем сейчас это именно так и делается. Разумеется, вполне допустимо, полезно и важно выставлять общетеоретические положения на основе изучения одной или двух групп языков. Они всегда будут иметь значение для развития науки о языке; не следует только их абсолютизировать.

6. Полная ликвидация особенностей востоковедения и западоведения и есть наилучший способ преодоления указанных недостатков. Этот путь может привести и наверняка приведет к пересмотру многих общих положений и в исторической науке, и в литературоведении, и в языкознании. Кардинальным отличием такой, подлинно советской науки от

науки в капиталистических странах явится прежде всего то, что она будет действительно всеобщей, поскольку ее положения будут основаны на изучении жизни и деятельности всех народов мира. Ее теоретические положения будут поэтому законно претендовать на всеобщее значение. Другой кардинальной особенностью этой науки явится то, что она будет новой — в том смысле, что, в результате такого всеохватывающего изучения материала, будут пересмотрены одни из тех положений, которые сейчас претендуют на всеобщую значимость; совсем отпадут другие положения; появятся совершенно новые; приобретут новое значение положения, сохраняющие свою силу.

7. Возможность достижения этой цели обеспечивается в нашей стране наличием всех необходимых условий. Эти условия следующие:

а) Наличие у нас общей научной теории, служащей надежной общей базой для плодотворного научного исследования во всех областях науки, базой, в равной степени пригодной для изучения явлений общественной жизни всех времен и всех народов. Эта теория — марксизм-ленинизм.

б) Наличие у нас самих стремления, воспитанного в нас революцией с ее всемирно-историческим пафосом, всегда видеть в единичном, через единичное — общее; в общем, через общее — все многообразие единичного.

в) Практически уже осуществляемое в рамках нашей страны сотрудничество народов Запада и Востока.

г) Наличие для исследования огромного материала, относящегося как к прошлому этих народов, так и к их настоящему.

2

8. Помимо этих общих условий, для развития востоковедения необходимо еще одно, специфическое для востоковедения: постоянное введение в науку новых материалов. Для этого требуется изменение нынешнего положения с работой над документальными востоковедными материалами в виде рукописных, ксилографических и старопечатных фондов, имеющихся в научных учреждениях Советского Союза. На первое место из них следует поставить фонды Института востоковедения Академии наук СССР.

Важнейшими из этих фондов являются: тангутский, тибетский, мусульманский (рукописи на арабском, тюркских и иранских языках), уйгурский, согдийский, сериндийский, китайский, маньчжурский, корейский, японский. Значительно меньшими по количеству рукописей являются фонды армянский, грузинский, сирийский, коптский, эфиопский. Есть и немногие, но ценные рукописи на пальмовых листьях, бересте и бумаге, написанные различными видами письма, принятыми в Индии, на языках санскрита, пракритах, пали, бенгали, хинди, пенджаби, телугу, сингалезском, тамильском, бирманском, мон и кхмерском.

Значительная часть этого обширного собрания является уникальной. Полностью уникальным является тангутский фонд, насчитывающий около 5 тыс. единиц хранения и состоящий из ксилографов X—XII вв. Помимо этого собрания известны только около 100 полных тангутских ксилографов в Китае и несколько десятков страниц разрозненных текстов в хранилищах Западной Европы, Северной Америки и Японии. Н. А. Невский, долгое время работавший над тангутским фондом и сумевший расшифровать сложнейшую тангутскую письменность, обнаружил, что в этом фонде, помимо буддийской литературы, составляющей, по видимому, наибольшую его часть, имеются исторические и юридические памятники, крупные эпические памятники и произведения художественной литературы. Есть и китайско-тангутские и тибетско-тангутские сло-

вари. Таким образом, этот фонд может обеспечить полное раскрытие истории тангутского народа, в настоящее время известной нам главным образом по китайским источникам. Значение же ее для понимания общей истории стран Восточной и Центральной Азии, в частности Китая, в X—XII вв. неоспоримо.

Также полностью уникальным является согдийский фонд, содержащий около 150 документов VII—VIII вв., найденных в Таджикистане. Эти документы могут в более полном виде раскрыть для нас историческую и культурную жизнь населения этого района Средней Азии, т. е. более подробно осветить один из периодов истории предков таджикского народа. Не нужно забывать огромную роль согдийцев в международных отношениях на Востоке в средние века; не нужно забывать, что согдийский язык был одно время языком международной торговли в этой части Старого Света.

Ни в одном из мировых хранилищ нет уйгурского фонда, по количеству и значению равного уйгурскому фонду Института востоковедения. В этом фонде уже сейчас имеются несколько сот полных и фрагментированных документов; реставрация же дунхуанских материалов доведет это число, вероятно, до тысячи. Таким образом, история уйгуров — народа, игравшего такую значительную роль в политической, экономической и культурной жизни народов Центральной и Средней Азии в средние века, а в наше время переживающего подъем своей национальной жизни в Народном Китае и в Советском Союзе, может быть также воссоздана по оригинальным источникам.

Очень большое значение имеет и тибетский фонд, насчитывающий до 35 тыс. блоков ксилографов и рукописей XVII—XIX вв. и около полусотни текстов VIII—IX вв. Чрезвычайно важно, что в этом фонде, в большей своей части состоящем из произведений буддийской литературы, имеются крупные эпические и исторические памятники. Это позволит восполнить и, может быть, в значительной мере переработать историю тибетского народа и его государства, до сих пор известную нам главным образом по китайским источникам.

Ряд уникальных памятников содержит корейский фонд. В нем обнаружены до сих пор неизвестные науке произведения: рукописи XVIII в. о борьбе различных конфуцианских партий, средневековые романы. Командированные в СССР правительством Корейской Народно-Демократической Республики корейские научные работники, ознакомившиеся с этим фондом, нашли в нем многое, что пока еще не обнаружено в самой Корее.

9. Сказанного достаточно, чтобы понять, каким богатством первоисточников обладает один только Институт востоковедения. Не меньшие богатства сосредоточены и в других научных учреждениях нашей страны. Так, например, в библиотеке Восточного факультета Ленинградского университета имеется обширный китайский фонд, по объему приблизительно равный соответствующему фонду в Институте востоковедения Академии наук. Обширный мусульманский фонд, равный приблизительно двум третям соответствующего фонда Института востоковедения, находится в Ленинградской публичной библиотеке. Более 1500 единиц хранения содержит корейский фонд публичной библиотеки в г. Алма-Ата. Хорошо известно богатство рукописных фондов Академий наук Узбекистана и Азербайджана. Первостепенное значение имеет собрание Библиотеки им. Ленина в Москве. Ценные фонды имеются и в Государственном Эрмитаже. Таким образом, советское востоковедение обладает огромной материальной базой научного исследования — богатейшим фондом первоисточников для изучения истории, экономики, идеологии, литературы, языков народов Востока в древности, в средние века и даже, прав-

да, в меньшей степени, и в новое время (XVI—XIX вв.). Описание этих фондов, публикация наиболее важных первоисточников, издание этих первоисточников в сопровождении русского перевода и научного комментария, всесторонние исследования материалов и документов — все это расширило бы содержание нашего востоковедения, улучшило бы научное качество работ, обеспечивало бы непрерывный прогресс нашей науки в этой области.

10. Следует сказать, однако, что существующее положение с работой над этими фондами является совершенно неудовлетворительным. Если обратиться к состоянию работы над фондами в Институте востоковедения, то приходится констатировать следующие факты:

а) Неудовлетворительно обстоит дело с обработкой фондов. Так, у тибетского фонда нет не только описания, но и простого обзорного списка. Не имеет описания и тангутский фонд; зарегистрировано только около 2 тыс. единиц хранения, примерно же около 3 тыс. единиц остаются не учтенными. Нет полного описания и мусульманского фонда; ведущаяся каталогизация его охватывает главным образом одни только ираноязычные памятники. Не имеет надлежащего описания китайский фонд, насчитывающий от 3 до 4 тысяч названий. Не описанным остается маньчжурский фонд, причем даже неизвестно точно количество заглавий и томов. Прекращено описание японского фонда из-за переброски специалиста-японоведа на корееведение.

б) Столь же неудовлетворительно обстоит дело и с кадрами, работающими над фондами. Так, нет квалифицированных работников-специалистов для работы над тангутским, маньчжурским, китайским и японским фондами. Нет ни одного работника для огромного фонда древнееврейских рукописей и инкунабулов. Совершенно недостаточно и число работников по некоторым другим фондам: мусульманский фонд имеет работников для своих ираноязычной и арабоязычной частей и не имеет работников для тюркоязычной части. Только одного работника имеет монгольский фонд. Нет надежды на изменение такого положения и в будущем, так как планомерная работа по подготовке соответствующих кадров специалистов-филологов не ведется.

Сходное положение наблюдается и в некоторых других хранилищах. Так, например, весь обширный фонд Ленинградской публичной библиотеки обслуживается крайне недостаточным по числу составом работников. Не ведется никакой работы над китайским фондом библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета: нет ни одного работника; состав и количество единиц хранения в точности неизвестны. Никем не обрабатывается корейский фонд публичной библиотеки в г. Алма-Ата. Над изучением кишиневских текстов собрания Государственного Эрмитажа работает один научный сотрудник; публикация результатов идет крайне медленно.

11. К сказанному следует добавить, что нынешние условия содержания этих фондов вызывают серьезную тревогу за сохранность их. Особенно большую тревогу вызывают условия хранения фондов Института востоковедения АН СССР.

В свое время для хранения этих фондов было построено специально оборудованное помещение: 5-й этаж здания Библиотеки Академии наук в Ленинграде. В 1949 г. рукописные фонды были перенесены в здание на Дворцовой набережной (№ 18) — бывший великокняжеский дворец. Это было сделано по распоряжению Президиума АН СССР, несмотря на протесты и заключения авторитетных комиссий о полной непригодности этого здания для хранения рукописей. В результате за годы, истекшие со времени переезда, наиболее хрупкие рукописи и ксилографы,

как, например, тангутские и сериндийские, обнаружили такое осыпание, что в случае оставления их в таких же условиях хранения они, вероятно, через 2—3 десятка лет превратятся в пыль. Недопустимо состояние хранения и корейского фонда в г. Алма-Ата.

3

12. Обеспечить надлежащий высокий уровень и необходимое развитие советского востоковедения могут, по нашему мнению, следующие меры:

а) Для безотлагательного расширения научно-документальной базы востоковедения, для систематического и планомерного ввода в научный обиход новых материалов нужно решительно покончить с недооценкой работы над фондами источников и резко повернуть дело в сторону всемерного укрепления и расширения ее.

С этой целью следовало бы в системе Отделения литературы и языка создать особый Институт восточной филологии, поручив ему координировать работу с другими научными учреждениями Советского Союза, ведущими работу над источниками.

При организации такого Института необходимо, однако, отказаться от старых представлений о филологии как науке только о документах прошлого, и притом — отдаленного прошлого, и раздвинуть рамки филологии в сторону признания возможности и научной необходимости филологической работы также над материалами и документами нового времени, характеризующими отдельные стороны жизни народов Востока.

В соответствии с этим перед Институтом восточной филологии могли бы быть поставлены следующие задачи:

- 1) публикация источников, материалов и документов;
- 2) издание источников, материалов и документов в русском переводе с надлежащими филологическими исследованиями текстов и научными комментариями к ним;
- 3) издание исследований, основанных на оригинальных источниках, материалах и документах.

Для успешного осуществления этих задач в Институте восточной филологии должны быть объединены востоковеды, которые в полной мере обладают специальной востоковедной филологической квалификацией.

б) В целях указанного выше сближения работы востоковедов и западоведов необходимо развернуть работу по изучению истории, экономики, филологии, литературы и языков народов Востока в соответствующих институтах Академии наук СССР. Перед работниками-востоковедами в этих институтах могут быть поставлены те же задачи, которые ставятся там для всех работников — как по линии отдельных монографических работ, так и по линии участия в коллективных трудах.

13. В целях обеспечения надлежащим образом подготовленного пополнения кадров работников-востоковедов следует принять меры к решительному улучшению филологического образования в тех высших учебных заведениях, которые ведут подготовку востоковедов. Надо обратить самое серьезное внимание на отбор аспирантов, резко повысить требования к их подготовке при поступлении в аспирантуру и к качеству и масштабу их аспирантской работы.